

У. Чухин

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Юридический факультет

На правах рукописи

Г. Н. МУДЬЮГИН

**РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ ПО ДЕЛАМ,
ВОЗБУЖДАЕМЫМ В СВЯЗИ
С ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ПОТЕРПЕВШЕГО**

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

МОСКВА — 1962 г.

258645

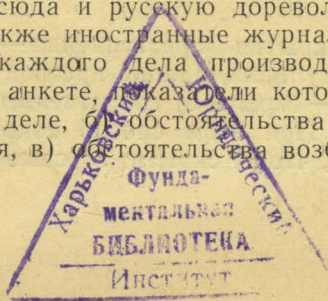
В свете поставленной новой Программой партии грандиозной задачи — ликвидировать преступность в нашем, строящем коммунизм обществе, — особенно актуальное значение приобретает создание обстановки неотвратимости наказания за совершенные преступления. В целях обеспечения полной раскрываемости преступлений и в первую очередь таких особо опасных, как умышленные убийства, необходимо всемерно повышать уровень следственной работы. Видную роль в этом призвана сыграть советская правовая наука, в частности, криминалистика.

Однако среди вопросов, разработанных криминалистикой по методике расследования убийств, почти не получил освещения вопрос о методах расследования так называемых убийств «без трупа». Между тем, дела эти, возбуждаемые, в отличие от всех других дел об убийстве, в связи с исчезновением потерпевшего, представляют особую сложность, совершенно специфичны и требуют поэтому самостоятельных методов расследования.

WVA

В настоящей диссертации автор пытается в какой-то степени восполнить этот пробел путем анализа вопросов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для повышения качества следствия по делам названной категории. Значительная часть этих вопросов разработана автором впервые, а по ряду спорных вопросов им предлагаются самостоятельные решения. Вместе с тем, в работе излагаются и конкретные практические рекомендации для прокурорско-следственных работников.

В основу диссертации автором положены данные по двумстам делам об убийстве «без трупа», большая часть которых изучалась в подлинных материалах уголовных дел. Несколько дел были лично расследованы автором. Сведения об остальных делах были почерпнуты из литературных источников, включая сюда и русскую дореволюционную периодику (7 дел), а также иностранные журналы и сборники (28 дел). Изучение каждого дела производилось по специально составленной анкете, результаты которой отражали: а) общие сведения о деле, б) обстоятельства совершения и сокрытия преступления, в) обстоятельства возбуждения дела

и г) методы и приемы его расследования. Применение анкетного метода изучения дел позволило сопоставлять показатели изучаемых явлений в самых различных аспектах.

В своей работе диссертант подвергает критике вскрытые при анализе некоторые недочеты, допускаемые на практике как в стадии возбуждения дела, так и на предварительном следствии; одновременно предлагаются и конкретные меры для устранения выявленных недостатков.

Ввиду того, что тема диссертации охватывает вопросы теории и практики, относящиеся к расследованию лишь определенной категории дел об убийстве, в данной работе, естественно, не освещаются общие вопросы расследования убийств, а также вопросы материального права, поскольку в уголовно-правовом отношении дела анализируемой категории лишены какой-либо специфики.

Диссертация состоит из введения и пяти глав.

В первой главе освещены вопросы, связанные со спецификой дел об убийстве «без трупа».

1. Анализируя сущность и причины специфики дел названной категории, резкого отличия методов их расследования от обычной методики следствия по делам об убийстве, диссертант отмечает, что ближайшей, непосредственной причиной этого является своеобразие содержания исходных данных по делам об убийстве «без трупа»: вместо сведений об обстоятельствах обнаружения трупа потерпевшего и об обстановке места преступления они включают лишь данные об обстоятельствах исчезновения потерпевшего. В свою очередь, такое содержание исходных данных в значительной мере определяется особыми способами сокрытия убийства, характерными для дел анализируемой категории. Учитывая большое криминалистическое значение, которое приобретает в связи с этим способ сокрытия, автор подробно остановился на этом, ранее не освещенном в литературе вопросе. В то же время способ совершения преступления (определяемый автором как комплекс действий, совершаемых преступником в определенном порядке для достижения преступной цели) не играет по делам об убийстве «без трупа» сколько-нибудь значительной роли, хотя по многим другим делам об убийстве он имеет решающее значение.

Способ сокрытия преступления — это также комплекс действий преступника, однако преследующих лишь вспомогательную цель — скрыть от следственных органов совершенное преступление. При этом способ сокрытия может быть направлен на то, чтобы скрыть: а) само событие преступления,

б) его преступный характер или в) участие в нем преступника.

Весьма существенное значение для следствия вообще и по делам анализируемой категории, в частности, имеет также не освещавшийся ранее вопрос о том, чем обусловлен выбор преступником того или иного способа совершения или сокрытия преступления. Сознательно прибегая к определенному комплексу приемов, преступник в то же время не действует произвольно: его выбор способа обусловлен рядом факторов, т. е. фактических обстоятельств, делающих возможным или исключающих применение определенного способа.

Среди многих факторов (каковыми, например, являются характер местности или обстановка места совершения преступления, свойства и навыки преступника, характер имеющихся у него орудий и т. д. и т. п.) одним из наиболее действенных является наличие (или отсутствие) связи между преступником и объектом его посягательства. Наличие такой связи, с одной стороны, позволяет преступнику применять способы совершения (сокрытия), недоступные постороннему лицу, с другой, заставляет прибегать к мерам, излишним для посторонних преступников. По делам анализируемой категории именно этот фактор имеет, как правило, первостепенное значение, обуславливая выбор убийцей способа сокрытия преступления.

Наряду с факторами-условиями, способ совершения (сокрытия) преступления характеризуется и рядом признаков, являющихся последствиями его применения (одним из последствий убийства из автоматического оружия может, например, служить гильза, оставшаяся на месте преступления). Исходя из совокупности признаков-последствий, установленных по делу, следователь, пользуясь индуктивным методом, может построить версию о неизвестном ему способе совершения (сокрытия) преступления. И, напротив, отталкиваясь от уже установленного способа, следователь дедуктивным путем определяет факторы и признаки-последствия, характерные для данного способа. А это позволяет уже сознательно, а не вслепую устанавливать фактические обстоятельства совершенного преступления. Значение такого рода заключений для успеха следствия трудно переоценить.

Содержание исходных данных по делу, — обычно содержащих и ряд признаков-последствий способа совершения (сокрытия) преступления, определяет собой направление, задачи и приемы расследования, в особенности, на его начальной стадии. Таким образом, способ совершения (сокрытия)

ступления обуславливает метод расследования не прямо, не непосредственно, а через исходные данные.

По делам об убийстве, возбуждаемым в связи с обнаружением трупа (или его частей), исходные данные, полученные путем судебно-медицинского исследования трупа, осмотра места преступления и допроса свидетелей, обычно отражают обстоятельства и способ совершения преступления. Это позволяет следствию выдвигать версии, ставить вопросы и намечать следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, базируясь в основном на данных об обстоятельствах совершения убийства. В то же время по делам об убийстве «без трупа» в исходных данных отсутствуют какие-либо указания на способ совершения преступления; основное обстоятельство исходных данных — исчезновение потерпевшего — чаще всего оказывается единственным признаком — последствием способа сокрытия убийства, но может быть вызвано и нейтральными причинами. Из сказанного вытекает, что направление и содержание следствия по этой категории дел об убийстве не могут не отличаться от методов следствия по остальным делам об убийстве.

В то время как обычно исходные данные по делу об убийстве позволяют уже в начале следствия решить ряд существенных вопросов (где, когда, с какой целью, каким способом совершено убийство; какими признаками и свойствами обладает преступник и т. д.), сведения об исчезновении потерпевшего чаще всего не дают следователю возможности судить ни об обстоятельствах и способе совершения убийства, ни о личности преступника. Вместе с тем, следствию предстоит решать целый ряд сложных задач, не возникающих по делам об убийстве «с трупом», в том числе: 1) выяснять причину исчезновения потерпевшего; 2) устанавливать факт его убийства; 3) проверять версию заявителя; 4) устанавливать место убийства; 5) одновременно разыскивать исчезнувшего и его труп; 6) в случае обнаружения трупа — проверять тождество личности потерпевшего и др.

2. В I главе рассматривается также вопрос о том, почему дела об убийстве возбуждаются иногда в связи с исчезновением потерпевшего. В случаях, когда его исчезновение было вызвано убийством (а не какой-либо из нейтральных причин), то чаще всего причиной необнаружения трупа убитого являются умышленные действия преступника, специально направленные на сокрытие факта смерти потерпевшего. В отдельных же случаях (по учтенным делам — менее 10%) исчезновение убитого вызывается случайным стечением обстоятельств, вос-

препятствовавших обнаружению трупа или установлению личности потерпевшего.

В зависимости от наличия или отсутствия связи между преступником и потерпевшим убийца может стремиться скрыть: а) сам факт смерти убитого, б) убийство — как причину его смерти или в) свое участие в совершении убийства.

Близко связанный с потерпевшим преступник отчетливо сознает, что обнаружение совершенного убийства может повлечь для него необходимость объяснить причину насильственной смерти потерпевшего. Поэтому такой преступник либо подыскивает какое-то нейтральное объяснение этому факту и, не скрывая его, лишь изменяет обстановку на месте преступления (например, инсценируя самоубийство), либо, уклоняясь от всяких объяснений о причине смерти потерпевшего, скрывает само это событие, стремясь лишь предотвратить обнаружение трупа и установление по нему личности убитого, с одной стороны, и пытаясь правдоподобно объяснить причину его исчезновения, с другой. Первую задачу преступники решают либо путем уничтожения или сокрытия трупа, либо изуродованием трупа с целью уничтожения на нем индивидуальных признаков. Исчезновение же потерпевшего обычно объясняют его внезапным отъездом (уходом) из дома.

Напротив, посторонний преступник не опасается, — ввиду отсутствия связи с потерпевшим, — что в случае обнаружения преступления, подозрения падут на него, и поэтому стремится лишь скрыть свое участие в убийстве, уничтожая свои следы на месте происшествия и следы преступления — на себе. Лишь в редких случаях (по учтенным делам — 3,4%) совершения убийства на дому у постороннего преступника, последний прибегает к сокрытию трупа потерпевшего, чтобы избавиться от этой решающей улики. Кроме того, стечение обстоятельств изредка приводит к тому, что труп человека, убитого посторонним преступником, либо долго никем не обнаруживается (например, в лесу), либо остается неопознанным¹.

Таким образом, основной причиной возбуждения дел об убийстве «без трупа» является применение преступниками, близко связанными с потерпевшим, способов сокрытия, специально направленных на то, чтобы скрыть сам факт смерти убитого. В отдельных же случаях (по учтенным делам — 9,2%) причиной необнаружения трупа потерпевшего оказы-

¹ В своей статье, опубликованной в 1953 году в журнале «Социалистическая законность» № 5, автор ошибочно отрицал это обстоятельство. Уже в следующей работе по той же теме — в главе VI книги «Расследование убийств», изданной в 1954 г., ошибка была автором исправлена.

ваются либо действия постороннего преступника, либо случайное стечение обстоятельств.

Во второй главе рассматриваются вопросы возбуждения дела и первоначальных следственных действий.

1. В отличие от дел, немедленно возбуждаемых по обнаружении трупа человека, погибшего насильственной смертью, дела об убийстве «без трупа» не могут быть, как правило, возбуждены сразу по получении сведений об исчезновении человека и требуют предварительной проверки. Дело должно быть возбуждено лишь в случае, если установленные проверкой факты (по своей логической природе не отличающиеся от доказательственных фактов) докажут вероятность насильственной смерти исчезнувшего. Проверкой устанавливаются как отрицательные факты, в своей совокупности исключающие нейтральные причины исчезновения без вести пропавшего, так и положительные факты, подтверждающие вероятность убийства исчезнувшего.

Для повышения эффективности розыскных мероприятий автор предлагает в процессе проверки, кроме запросов о местонахождении исчезнувшего и получения объяснений от знавших его лиц, прибегать к помощи общественности путем помещения в газетах и передачи по радио объявлений об исчезновении без вести пропавшего. Целесообразно также распространить на случаи исчезновения людей систему письменного розыска, применяемого в органах МВД.

Автор критикует выявленные анализом недостатки, иногда допускаемые при проверке заявлений об исчезновении людей: недопустимую медлительность так называемых «розыскных производств» и пассивность их проведения. Грубым нарушением процессуального закона является подмена проверки следствием, когда сначала производятся следственные действия, иногда устанавливается и виновность лица, подозреваемого в убийстве, и лишь затем возбуждается уголовное дело.

Для устранения указанных недостатков диссертант предлагает, чтобы все поступающие в органы прокуратуры и милиции заявления об исчезновении людей рассматривались как сообщения о возможно совершенном убийстве; чтобы, в связи с этим, проверка таких заявлений, — если она необходима, — производилась наравне с сообщениями о других преступлениях, а не в порядке особого «розыскного производства», преследующего иные цели; чтобы был установлен действенный контроль за проведением таких проверок по специальному плану, с использованием всех законных средств и в сроки, установленные законом.

2. По делам об убийстве без трупа встречаются следующие первоначальные действия: а) допрос заявителя и лиц, знавших исчезнувшего, и б) обыск и осмотр предполагаемого места убийства.

Допрос заявителя и других лиц, хорошо знавших исчезнувшего, производится по широкому кругу вопросов, направленных на выяснение: 1) обстоятельств исчезновения потерпевшего, 2) примет последнего, 3) описания одежды и вещей, бывших при исчезнувшем, 4) его образа жизни, характера, связей и взаимоотношений с окружающими, 5) возможных причин исчезновения, 6) подозрений о виновности конкретных лиц и 7) поведения заявителя и близких потерпевшего в связи с его исчезновением.

В отличие от других дел об убийстве, в начальной стадии следствия по делам об убийстве «без трупа» производится осмотр лишь **предполагаемого** места совершения преступления, что придает такому осмотру свои характерные черты. Отсутствие отправной точки (т. е. трупа) существенно усложняет поиски следов. Поскольку местом убийства чаще всего оказывается помещение, занимаемое преступником (одним или вместе с потерпевшим), постольку следователю нельзя рассчитывать на обнаружение там очевидных следов убийства, уже уничтоженных или замаскированных преступником. Усилия следователя должны быть поэтому направлены на поиски незначительных следов, не замеченных преступником. По той же причине перед следователем стоят и другие задачи, разрешить которые возможно лишь путем обыска: обнаружить труп потерпевшего, орудие убийства, а также документы, одежду и вещи исчезнувшего, тщательно скрываемые убийцей.

То обстоятельство, что при проведении обыска разрешаются и некоторые задачи осмотра, не нарушая прав обыскиваемых, в то же время обеспечивает полноту и эффективность обыска.

Основным приемом поисков трупа в условиях сельской местности следует признать раскопки на территории домового участка подозреваемого. Эффективность таких поисков несомненно намного повысится с внедрением в практику поискового прибора, разработанного во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР.

В больших городах преступники редко надолго прячут труп в пределах дома, чаще прибегая к расчленению трупа, чтобы затем уничтожить части трупа, либо вывезти их за город. Поэтому поиски трупа при обыске по месту жительства подозреваемого в городе оказываются эффективными, как

правило, лишь вскоре после совершения преступления, когда труп или части его еще не уничтожены или не вывезены убийцей. Следы уничтожения трупа иногда удается обнаружить в виде полуобгоревших костей, зубов и т. п. частиц, оставшихся в печах.

Отсутствие сведений о способе совершения убийства вынуждает следователя разыскивать и тщательно осматривать самые различные орудия, возможно использованные при совершении убийства или для расчленения трупа.

Особенностью обыска по делам данной категории являются поиски тех вещей исчезнувшего, которые, будь он жив, обязательно находились бы при нем, в частности, предметов одежды, якобы надетых на исчезнувшем в день отъезда, и мелких вещей, без которых он никогда не появлялся вне дома, например, очков, часов, колец, серег и т. п. Следует изымать личные документы и фотоснимки исчезнувшего, а также письма и телеграммы от его имени, которые нередко посылаются преступником с целью создать впечатление, что потерпевший жив.

Чтобы найти мелкие пятна крови, не зная точного места совершения убийства, следователю приходится искать их везде, где они могли остаться не замеченными преступником, в том числе на одежде и обуви обыскиваемого. При этом необходимо обращать внимание на следы маскировки пятен крови и учитывать, что цвет пятен может уже резко отличаться от обычного цвета крови.

Объектом поисков в помещении, где жил исчезнувший, являются и его пальцевые отпечатки. Обнаружение их позволяет иногда проверить тождество личности потерпевшего по трупу, хотя бы тот был найден в неопознаваемом состоянии.

В третьей главе освещены вопросы, связанные с розыском трупа и идентификацией личности потерпевшего.

1. Необходимость разыскивать труп убитого, являясь особенностью дел анализируемой категории, обусловлена большим процессуальным и криминалистическим значением, которое имеет обнаружение трупа. Нельзя, однако, рассматривать обнаружение трупа по этим делам как условие раскрытия убийства или даже как исходный момент в расследовании. Как показывает анализ практики, убийц нередко (по учетным делам — больше чем по 30%) удается разоблачить, несмотря на необнаружение трупа или до его обнаружения.

Труп исчезнувшего потерпевшего может быть обнаружен в результате: а) активных его поисков в процессе следствия, б) добровольного показа места его сокрытия преступ-

ником и в) выявления данных о случайном обнаружении трупа вне связи с расследуемым делом.

Проведение активных поисков (путем обысков или «прочесывания») требует данных, хотя бы косвенно указывающих на участок местности, где мог быть скрыт труп. Поэтому предварительно следователю надлежит собрать сведения о том, где произошло исчезновение, где живет подозреваемый и т. д. В условиях сельской местности, с ее небольшой населенностью и одноквартирными домами с приусадебными участками, труп убитого обычно оказывается скрытым вблизи дома подозреваемого. Организация там тщательных поисков совершенно обязательна и часто приводит к успеху. В больших же городах следователь, хотя и ищет труп при обыске на дому у подозреваемого, но вместе с тем подробно выясняет — не ездил ли подозреваемый с потерпевшим куда-нибудь перед его исчезновением, не вывозил ли он из дома после этого события какие-нибудь тюки, корзины и чемоданы, какие пригородные районы ему хорошо известны и т. д.

Если есть данные, что убийство было совершено в пути, то при малейшей возможности надлежит «прочесать» местность вдоль маршрута исчезнувшего. К участию в «прочесывании», кроме сотрудников милиции, следует привлекать местных активистов, в первую очередь — дружинников, а в наиболее сложных случаях обращаться за содействием к командованию воинских частей.

Выявление данных о случайном обнаружении трупа сводится к проверке того, не оказалось ли трупа исчезнувшего среди оставшихся неопознанными трупов, обнаруженных за период между исчезновением потерпевшего и началом следствия. С этой целью соответствующие запросы с подробным описанием примет исчезнувшего направляются во все прокуратуры, отделения милиции, больницы и морги, расположенные в районах, где могла наступить смерть исчезнувшего. Обязательным является также заполнение карты «без вести пропавшего» (ф. № 2) и направление ее в республиканское управление милиции, где карту сопоставляют с данными картотеки «неопознанных трупов».

Довольно часто встречается и добровольный показ места сокрытия (или уничтожения) трупа сознавшимся в убийстве обвиняемым.

2. После того, как труп тем или иным путем обнаружен, необходимо его эксгумировать и проверить — действительно ли это труп исчезнувшего. С этой целью производится идентификация личности потерпевшего по трупу.

Диссертант различает две группы способов криминалистической идентификации — процессуальную (экспертиза, опознание и использование данных дактилоскопической регистрации) и оперативную (субъектами которой являются сами следственные и оперативные работники). Если идентификация одним из процессуальных способов прямо приводит к заключению о тождестве, то применение оперативных способов имеет лишь предварительное значение и нуждается в идентификации процессуальным способом. Согласен автор и с другим, предложенным Г. И. Кочаровым делением криминалистической идентификации на объективную (при экспертизе) и субъективную (при опознании).

Идентификация личности потерпевшего по делам об убийстве «без трупа» имеет свои особенности. Вместо решения обычного вопроса — кто убит? — здесь проверяется — действительно ли найден труп исчезнувшего. Основными исходными данными поэтому служат приметы исчезнувшего, сопоставляемые с идентификационными признаками трупа. Решающая роль в установлении последних принадлежит судебно-медицинскому исследованию. Естественно, что наиболее существенными являются индивидуальные (частные) признаки (разнообразные как по происхождению, так и по неповторимости), но и общие признаки также весьма важны, так как несовпадение их обычно сразу же исключает возможность тождества. То же значение имеет и время смерти. Автор подробно характеризует все эти признаки.

Наиболее распространенным способом процессуальной идентификации личности потерпевшего является опознание, значительно реже встречается экспертиза и очень редко — комбинация обоих методов. Идентификация путем опознания производится: а) по лицу трупа (чаще всего), б) по особым приметам (крайне редко) и в) по одежде и вещам, обнаруженным при трупе. Внутри каждого из этих видов следует различать опознание самих объектов и их фотозображений.

Из экспертных методов идентификации личности убитого наиболее распространена судебно-медицинская экспертиза, в частности, стоматологическая, заключения которой, как правило, убедительны и точны. Иногда решающее значение имеет сопоставление признаков болезни или ее хирургического лечения. Среди различных видов криминалистической экспертизы чаще других встречаются: сопоставление прижизненных фотокарточек исчезнувшего с опознавательными снимками головы трупа, а также определение целого по частям и установление однородности материалов в отношении предметов одежды потерпевшего или упаковочных и обвязочных

материалов, используемых при перевозке частей расчлененного трупа.

Для наибольшей достоверности выводов о тождестве личности убитого, необходимо во всех сомнительных случаях прибегать к различным способам идентификации, используя и опознание, и экспертизу.

В четвертой главе рассматриваются вопросы выдвижения и проверки версий.

Исходя из общего понятия версии, диссертант определяет версию по уголовному делу как объективно возможное объяснение расследуемого события или его обстоятельств. Автор находит неосновательным ограничивать понятие версии по уголовному делу «предположением следователя»: хотя версии следователя и имеют решающее значение, они не являются единственным видом версий. Так, версии, пропущенные следователем, но выдвинутые другими участниками процесса и являющиеся объективно возможными объяснениями события преступления, не перестают быть версиями только из-за того, что их выдвинул не следователь. Примеры таких версий повседневно дает судебно-следственная практика; значительное внимание версии обвиняемого уделяет и теория. Специально вопросу проверки версий и объяснений обвиняемого посвятил свою диссертацию Б. Е. Богданов.

Версия обвиняемого — это самостоятельное объяснение расследуемого события с позиции обвиняемого. Нельзя поэтому ставить знак равенства между версией обвиняемого и версией, выдвинутой следователем на основе объяснений обвиняемого. Иначе известное положение об обязательности для следователя проверки версий обвиняемого потеряло бы всякое значение.

Как известно из практики, обвиняемый обычно выдвигает версии в утвердительной форме. Такими же являются и версии потерпевшего, когда он оказывается очевидцем преступления. С позиции же следователя эти версии — лишь предположительные объяснения, требующие проверки наравне с другими. Однако кем бы и в какой бы форме ни выдвигались версии, право их оценки и включения в план следствия по делу принадлежит только следователю. В отличие от остальных, версии, включенные в план, целесообразно, как это предложил А. Н. Васильев, называть следственными версиями.

2. На первой стадии следствия наибольшее значение имеют версии о причине исчезновения потерпевшего, четко распадающиеся на две группы: «исчезнувший жив» и «исчезнувший умер», с рядом подгрупп в каждой из них. Включение

в план версий I группы — типическая особенность дел об убийстве «без трупа», а опровержение их — необходимое условие для вывода об убийстве исчезнувшего. Характерно, что преступники, близкие потерпевшему, нередко выдвигают утвердительные версии о нахождении его в живых. Непричастные же к преступлению лица чаще всего выдвигают предположительные версии об убийстве исчезнувшего, иногда указывая и определенного виновника.

Несмотря на большое значение проверки таких версий, следователь, естественно, не может ими ограничиться. Предварительные версии следователя о виновнике преступления сводятся к двум разновидностям: «убийца — кто-либо из «своих» и «убийца — постороннее лицо». На то, что убийство совершено «своими» указывают: противоречия в объяснениях близких потерпевшего о причине и обстоятельствах его исчезновения, несоответствующее этим объяснениям поведение и заинтересованность кого-либо из близких в смерти исчезнувшего. Такие данные, как правило, позволяют сразу же конкретизировать версию о личности преступника.

О необходимости выдвижения версии о совершении убийства кем-либо из посторонних свидетельствуют: бесспорно доказанный факт отъезда (ухода) потерпевшего из дома, отсутствие чьей-либо заинтересованности в его смерти, наличие при нем ценностей. Для конкретизации такой версии предварительно следует установить: где и когда потерпевшего видели в последний раз, кого он мог посетить, кто мог знать о наличии у него ценностей или у кого они затем оказались.

3. При проверке версий типа «исчезнувший жив» выясняется: имел ли исчезнувший основания куда-либо уехать тайно от своих близких; появлялся ли он в том месте, куда якобы направился и т. д. При этом, кроме проведения допросов свидетелей и осмотра документов, целесообразно направить запросы в районы возможного местонахождения исчезнувшего, повторно поместить объявления в газетах, проверить ход письменного розыска и т. д. Проверку версий этого типа следует продолжать вплоть до окончания следствия или обнаружения трупа потерпевшего.

Общими для проверки версий о смерти потерпевшего являются меры по обнаружению его трупа. В остальном же содержание проверки зависит от того, идет ли речь об убийстве потерпевшего кем-либо из «своих» или посторонним лицом. В первом случае всесторонне исследуются взаимоотношения подозреваемого с потерпевшим, поскольку для преступников — членов семьи убитого — характерны личные мотивы и лишь на втором месте стоит материальная заинтере-

сованность. Для лиц, менее близко связанных с потерпевшим, типично убийство из корыстных целей.

При проверке поведения подозреваемого из числа «своих» следователь, кроме общего вопроса о том — где он находился в момент убийства, выясняет также, не принадлежала ли инициатива отъезда потерпевшего подозреваемому, где и когда они виделись в последний раз, какие меры розыска исчезнувшего были предприняты подозреваемым и, что особенно важно, как он объяснял окружающим исчезновение потерпевшего: ссылался ли на незнание причины и проявлял беспокойство о пропавшем или, утверждая, что тот жив, выдвигал развернутую версию о том, куда, к кому и зачем уехал исчезнувший. При проверке таких версий следует тщательно исследовать подтверждающие их факты, на которые ссылаются подозреваемые. Нередко преступники подговаривают свидетелей подтвердить встречу с потерпевшим уже после его исчезновения, посылают себе и родным потерпевшего письма и телеграммы от его имени и т. д.

Проверка версии о виновности постороннего лица имеет характерные особенности в случаях, когда подозреваемый выявлен еще до обнаружения трупа потерпевшего. В таких условиях проверка обычно начинается с обыска и осмотра на дому у подозреваемого, совершенно обязательных, если потерпевший исчез сразу после посещения подозреваемого. Обнаружение при этом, если не трупа убитого, то хотя бы одежды и вещей потерпевшего служит веским подтверждением проверяемой версии.

Практика показывает, что избалованный таким и другими косвенными доказательствами посторонний преступник нередко признает свою виновность и сам показывает место сокрытия трупа.

В заключение главы диссертант подчеркивает большое значение проверки не только оправдательных версий обвиняемого, но и тех его объяснений, в которых он признается в совершении убийства. Лучшим подтверждением правильности таких объяснений служит обнаружение трупа потерпевшего в месте, показанном обвиняемым.

В пятой главе освещены особенности использования косвенных доказательств.

1. В отличие от остальных дел об убийстве, дела анализируемой категории расследуются в условиях, когда не только событие преступления — убийство потерпевшего, но даже факт его насильственной смерти часто удается установить лишь косвенными доказательствами. Следует подчеркнуть и своеобразие используемых здесь доказательственных фактов. Так,

доказывать насильственную смерть потерпевшего нередко приходится не только положительными, но и отрицательными доказательствами фактами, устанавливающими отсутствие исчезнувшего везде, где бы он мог находиться. В случае невозможности установить тождество личности потерпевшего опознанием его трупа или криминалистической экспертизой по чертам внешности следователь решает эту задачу с помощью косвенных доказательств тождества личности, т. е. на основе совпадения отдельных идентификационных признаков. Соответственно, признаки различия служат здесь противодоказательствами.

Характерным и распространенным видом косвенных доказательств является обнаружение у обвиняемого одежды и вещей, бывших при потерпевшем в день исчезновения, хотя бы и не имеющих никакой материальной ценности. Как такого рода факты, так и обнаружение пятен крови по общему местожительству обвиняемого и потерпевшего, имеют двойное доказательственное значение: они одновременно устанавливают и факт убийства потерпевшего, и совершение его обвиняемым.

2. Особое место при расследовании убийств «без трупа» занимают так называемые «улики поведения», т. е. косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого. Диссертант определяет их как действия (или бездействие) обвиняемого, которые, не входя в состав преступления, могут быть причинно связанными с его совершением. Автор различает три группы доказательств поведения: 1) действия обвиняемого, направленные на уклонение от грозящей ему уголовной ответственности, 2) проявление обвиняемым виновной осведомленности, т. е. знания им таких обстоятельств преступления, которые могли быть известны лишь лицу, виновному в его совершении, и 3) прочие поступки и высказывания обвиняемого, косвенно свидетельствующие о сознании им своей виновности.

К доказательствам, чаще других встречающимся по делам об убийстве «без трупа», относятся следующие виды поведения обвиняемого: а) заведомо ложное отрицание изобличающих его доказательственных фактов (например, — враждебных отношений с исчезнувшим) или такое же утверждение о существовании оправдывающих его обстоятельств (например, — о нахождении в живых потерпевшего); б) создание искусственных доказательств с целью подтвердить заведомо ложную версию (путем: подговора свидетелей к даче ложных показаний, представления подложных документов, например, писем от имени потерпевшего); в) уничтожение или сокрытие

следов и вещественных доказательств (например, — сокрытие трупа, уничтожение одежды убитого), а также г) проявление обвиняемым виновной осведомленности: сознательное (обвиняемый показывает следователю местонахождение скрытого им трупа убитого) и бессознательное (обвиняемый при допросе или в частном разговоре проговаривается о скрываемой им смерти потерпевшего).

От доказательств поведения следует отличать поведение обвиняемого, имеющее лишь криминалистическое значение, а именно: умолчание обвиняемого о изобличающих его обстоятельствах, отказ давать показания или отвечать на отдельные вопросы, а также психофизиологические реакции на те или иные процессуальные действия. Некоторые из этих обстоятельств могут использоваться следователем как основания для выдвижения версии, но, безусловно, не могут рассматриваться как доказательственные факты. В частности, расценивать молчание обвиняемого как доказательство виновности означало бы косвенно принуждать его к даче показаний.

Таким образом, криминалистическое значение может иметь любое поведение обвиняемого: всегда связанное с определенной личностью, оно сразу указывает на лицо, как бы выдающее себя своим подозрительным поведением. В то же время доказательственным значением обладают лишь те проявления поведения обвиняемого, причиной которых может быть установлена его виновность. Улика поведения, отдельно взятая, допускает, разумеется, и нейтральные объяснения (в частности, каждая из улик I группы может быть объяснена неправильно избранной линией защиты невиновного человека). Однако это же свойство присуще и любому другому косвенному доказательству. Улики поведения могут быть более вескими или менее убедительными в зависимости от значения соответствующего доказательственного факта в конкретных условиях дела. Как и всякое косвенное доказательство, улика поведения тем убедительнее, чем труднее ее объяснить нейтральными причинами и чем, соответственно, вероятнее ее причинная связь с виновностью обвиняемого. Исходя из сказанного, автор рассматривает доказательства поведения как равноправные другим видам косвенных доказательств и наравне с ними требующие объективного анализа и оценки. Такая позиция подтверждается и практикой; в частности, по делам об убийстве «без трупа» обвинительные приговоры нередко полностью основываются на уликах поведения.

3. Необнаружение трупа потерпевшего существенно усложняет задачу расследования, поскольку событие преступления приходится устанавливать одними косвенными доказательст-

вами. В связи с этим диссертант сопоставляет освещение вопроса о возможности доказывания факта убийства одними косвенными доказательствами в трудах советских теоретиков, русских дореволюционных и английских процессуалистов XIX и XX в. в. Это сопоставление показывает, что лишь советские теоретики в полном соответствии с духом и буквой нашего процессуального закона установили равную возможность доказать событие преступления как прямыми, так и косвенными доказательствами. Что же касается зарубежных теоретиков, то весьма любопытно, например, что за 100 последних лет тенденция к недооценке косвенных доказательств в теории английского процесса даже усилилась. Так, современный английский криминалист К. Кенни проявляет открытую дискриминацию по отношению к косвенным доказательствам, прямо противопоставляя их прямым, как менее надежные и не столь достоверные. Неудивительно поэтому, что в Англии обвинительный приговор без обнаружения трупа убитого — редчайшее событие, а в ряде штатов США и по сейчас без обнаружения трупа немислимо не только вынесение обвинительного приговора, но и судебное разбирательство по делу об убийстве. Точно так же обстояло дело и в дореволюционной России.

В то же время анализ отечественной практики показал, что, не будучи связаны грузом пережитков формальной школы доказательств, советские следователи и суды в большинстве случаев (в 26 из 41 учтенных) успешно справляются с трудной задачей изобличения преступника в условиях необнаружения трупа. Отдельные же случаи ошибок (по учтенным делам их было 3, в т. ч. одна — судебная) были вызваны, как показал анализ, грубыми пробелами следствия, в частности, игнорированием версии о нахождении исчезнувшего в живых, а также неправильной оценкой доказательств как косвенных, так и прямых.

Со своей стороны, диссертант обосновывает не только допустимость доказывать факт убийства потерпевшего с помощью одних косвенных доказательств, но и необходимость ориентировать на это следователей в условиях необнаружения трупа. Стать же на позицию признания невозможности раскрытия убийства в условиях необнаружения трупа означало бы способствовать уклонению тяжких преступников от грозящего им наказания: убийце было бы достаточно в таком случае надежно скрыть труп и затем упорно отрицать свою виновность, чтобы гарантировать себе безнаказанность.

В заключение главы автор на материале ряда конкретных

дел проанализировал совокупность косвенных доказательств, признанную судами достаточной для вынесения обвинительного приговора в сложных условиях необнаружения трупа и отрицания своей виновности подсудимым.

* * *

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. «Методика следствия по делам об убийстве, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего». Опубликовано в журнале «Социалистическая законность», 1953 г. № 5 (1,0 п. л.).

2. «Расследование по делу об убийстве («без трупа»). Следственное упражнение, М., Госюриздат, 1953 г. (2,0 п. л.).

3. «Некоторые недостатки расследования убийств». Опубликовано в сборнике «Следственная практика», № 17, М., 1954 г. (1,5 п. л.).

4. «Расследование убийств». М., Госюриздат, 1954 г. Главы: «Осмотр места происшествия и другие неотложные действия» (в соавторстве), «Особенности расследования отдельных видов убийств» и «Расследование убийств, сопровождавшихся сокрытием трупа» (9,5 п. л.).

5. «Установление личности потерпевшего при расследовании убийств». Опубликовано в журнале «Социалистическая законность», 1956 г., № 2 (0,75 п. л.).

6. «Учебное следственное дело об убийстве» (руководитель авторского коллектива и автор комментариев). М., Госюриздат, 1956 г. (22,5 п. л.).

7. «Расследование убийства, замаскированного расчленением трупа» (в соавторстве). М., Госюриздат, 1957 г. (9,0 п. л.).

8. «Уроки двух дел» (об убийстве «без трупа»). Опубликовано в сборнике «Следственная практика», № 35, 1958 г. (1,25 п. л.).

9. «Обыск и осмотр предполагаемого места убийства». Опубликовано в сборнике «Советская криминалистика на службе следствия» № 12, 1959 г. (1,6 п. л.).

10. «Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого». Опубликовано в журнале «Социалистическая законность», 1961 г., № 6 (0,75 п. л.).